DOI 10.22455/2619-0311-2019-1-177-182

УДК 82+821.161.1

ББК 83+83.3(2=411.2)

Мария Алексеева

**Мотив цветка в романе Ф.М. Достоевского
«Белые ночи»**

Maria Alekseeva

The Flower Motif in Dostoevsky's novel *White nights*

Об авторе: Мария Михайловна Алексеева, учащаяся МАОУ СОШ г. Холма, Новгородской обл.

E-mail: mashadoctorwho@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется мотив цветка и его роль в произведении Достоевского «Белые ночи». Мотив пронизывает весь роман, проявляясь в сравнении с цветами персонажей, природы или отдельных моментов и отсылая мысль читателя к эпиграфу. Речь идет о влиянии стихотворения Тургенева «Цветок» на роман «Белые ночи».

Ключевые слова: Достоевский, мотив, цветок, «Белые ночи», мечтатель, Настенька, эпиграф, стихотворение Тургенева.

Для цитирования: Мотив цветка в романе Ф.М. Достоевского «Белые ночи» // Достоевский и мировая культура. 2019. № 1(5). С. 177-182.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-1-177-182

About the author: Maria M. Alekseeva, student, Novgorod region, Kholm.

E-mail: mashadoctorwho@yandex.ru

Abstract: The article concerns the motif of flowers and its role in Dostoevsky's novel *White nights*. The motif permeates the whole novel and manifests itself when the characters, nature, or single moments are compared with flowers, thus sending the reader's thought to the epigraph. The article examines the influence of Turgenev's poem "The Flower" on the novel.

Keywords: Dostoevsky, motif, flower, *White nights*, dreamer, Nastenka, epigraph, Turgenev's poem.

For citation: Alekseeva M.M. The Flower motif in Dostoevsky's novel *White nights*. *Dostoevsky and World Culture*. 2019. № 1(5). Pp. 177-182.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-1-177-182

Мотив цветка начинает звучать с самого начала, но не явно, а как бы в подтексте, потому что этот роман начинается с эпиграфа из стихотворения Тургенева. В строчках эпиграфа нет упоминания цветка, мы видим его только тогда, когда читаем целое стихотворение, об этом написано в работе Б.Н. Тихомирова «Два слова об эпиграфе к повести Достоевского “Белые ночи”» [Тихомиров 1993].

Тебе случалось – в роще темной,
В траве весенней, молодой
Найти цветок простой и скромный?
(Ты был один – в стране чужой.)

И вот, идешь дорогой пыльной;
Кругом – всё поле сожжено,
Струится с неба жар обильный,
А твой цветок завял давно.

Он ждал тебя – в траве росистой
Он одиноко расцветал...
И для тебя свой запах чистый,
Свой первый запах сберегал.

Он вырастал в тени спокойной,
Питался утренним дождем
И был заеден пылью знойной,
Спаден полуденным лучом.

И ты срываешь стебель зыбкий.
В петлицу бережной рукой
Вдеваешь, с медленной улыбкой,
Цветок, погубленный тобой.

Так что ж? напрасно сожаленье!
Знать, он был создан для того,
Чтобы побыть одно мгновенье
В соседстве сердца твоего.

Достоевский не просто взял строчки для эпиграфа из этого стихотворения Тургенева, но кардинально перевернул его. Эпиграф не просто изменен, оттуда вообще исчезает цветок, а в романе Достоевского мотив цветка звучит довольно отчетливо.

На первый взгляд, кажется, что Настенька, простая и скромная, была как описываемый цветок: «она ждала», «одиноко расцветая» для своего избранника – а Мечтатель ассоциируется с лирическим героем стихотворения («ты был один в стране чужой»). Известно, что Мечтатель прожил восемь лет в Санкт-Петербурге и ни одного знакомства не завел. На этом соответствия кончаются, потому что Мечтатель Достоевского оказывается совершенно другим человеком, чем герой стихотворения Тургенева. Он даже противопоставлен ему. Но зато лирический герой стихотворения хорошо соответствует человеку, в которого влюблена Настенька – жильцу: он тоже нездешний, он увлекает Настеньку, а потом уезжает и пропадает. Его возвращение, когда уже нет никакой надежды, выглядит как чудо.

Мотив цветка в романе Достоевского начинает звучать, когда Мечтатель прогуливается по Петербургу в своих размышлениях, и тут он наблюдает такую картину: «Отворялось ли окно, по которому побарабанили сначала тоненькие, белые как сахар пальчики, и высовывалась головка хорошенькой девушки, подзывавшей разносчика с горшками цветов, – мне тотчас же, тут же представлялось, что эти цветы только так покупаются, то есть вовсе не для того, чтоб наслаждаться весной и цветами в душной городской квартире, а что вот очень скоро все переедут на дачу и цветы с собою увезут» [Достоевский 1972–1990: II, 104]. Цветы появляются в горшках, их покупают, перевозят, берегут, ими наслаждаются, не срывают и не бросают. Правда, они в горшке, без свободы, кому-то принадлежащие (Мечтатель, наблюдающий эту картину, говорит о них как о собственности, а не как о предмете наслаждения).

Говоря о петербургской природе, Мечтатель не может обойтись без упоминания цветов: «Есть что-то неизъяснимо трогательное в нашей петербургской природе, когда она, с наступлением весны, вдруг выкажет всю мощь свою, все дарованные ей небом силы, опустится, разрядится, упестрится цветами...» [Достоевский 1972–1990: II, 105]. Петербург упестряется этими свободно растущими цветами. Здесь цветы связаны с мощью природы, дарованной небом. Они высшее выражение красоты.

А дальше Достоевский сравнивает петербургскую природу с девушкой, в образе которой мы можем увидеть Настеньку: «Как-то невольно напоминает она мне ту девушку, чахлую и хворую, на которую вы смотрите иногда с сожалением, иногда с какой-то сострадательною любовью...» [Там же], а у Тургенева лирический герой смотрит на цветок как на объект наслаждения.

Мечтатель говорит, что она «вдруг, на один миг, как-то нечаянно сделается неизъяснимо, чудно прекрасною, а вы пораженный, упоенный, невольно спрашиваете себя: какая сила заставила блистать таким огнем эти грустные, задумчивые глаза? что вызвало кровь на эти бледные, похудевшие щеки? что облило страстью эти нежные черты лица? отчего так вздымается эта грудь? что так внезапно вызвало силу, жизнь и красоту на лицо бедной девушки, заставило его заблистать такой улыбкой, оживиться таким сверкающим, искрометным смехом?» [Там же] Мечтатель догадывается, но не договаривает, что это, скорее всего, любовь: «Но миг проходит, и, может быть, назавтра же вы встретите опять тот же задумчивый и рассеян-

ный взгляд, как и прежде, то же бледное лицо, ту же покорность и робость в движениях и даже раскаяние, даже следы какой-то мертвящей тоски и досады за минутное увлечение... И жаль вам, что так скоро, так безвозвратно завяла мгновенная красота ...» [Там же]. Мечтатель, ещё не зная истории Настеньки, её любви к жильцу, по сути дела пересказывает сюжет стихотворения Тургенева, как бы предчувствуя, зная, что так, к сожалению, часто бывает. Он жалеет только, что «...даже полюбить ее вам не было времени», и это «вам» относится не только к тому, кто эту красоту погубил, но и к самому Мечтателю, а может и читателю.

Ещё раз цветы мы наблюдаем, когда Мечтатель рассказывает о своей истории, а лучше сказать мечтах, так как истории у него по сути никакой нет. «Как они мучились, как боялись они, как невинна, чиста была их любовь и как (уж разумеется, Настенька) злы были люди! И, боже мой, неужели не ее встретил он потом, далеко от берегов своей родины, под чужим небом, полуденным, жарким, в дивном вечном городе, в блеске бала, при громе музыки, в палатце (непреренно в палатце), потонувшем в море огней, на этом балконе, увитом миртом и розами, где она, узнав его, так поспешно сняла свою маску и, прошептав: “Я свободна”, задрожав, бросилась в его объятия...» [Достоевский 1972–1990: II, 117]. В этом отрывке Мечтатель отдаётся своим мечтам: неужели он не мечтал о том, как бы могли быть они вместе (он и Настенька), как бы она сказала ему, что она свободна и была бы вместе с ним и любила бы только его. Это момент счастья, и неслучайно он украшен миртом и розами. Как известно, в течение многих веков люди использовали язык цветов как способ выражения мыслей и чувств при помощи растений и их сочетаний. Активно использовалась цветочная символика в средневековье. Предлагая даме руку и сердце, рыцарь посылал ей розу с миртом. Сама обстановка вокруг них в этой мечте чем-то напоминает средневековье, а тут ещё Мечтатель чуть ли не намекает на свадьбу.

Следующее упоминание мотива – в рассказе о его мечтах, а точнее уже в конце: «И опять спрашиваешь себя: что же ты сделал с своими годами? Куда ты схоронил свое лучшее время? Ты жил или нет? Смотри, говоришь себе, как на свете становится холодно. Еще пройдут годы, и за ними придет угрюмое одиночество, придет с клюкой трясучая старость, а за ними тоска и уныние. Побледнеет твой фантастический мир, замрут, увянут мечты твои и осыплются, как желтые листья с деревьев...» [Достоевский 1972–1990: II, 119]. Увянут

мечты – как цветы, хотя фраза продолжается дальше, и мы видим, что увядают листья на деревьях. Здесь увядание природы является параллелью к безрадостной жизни Мечтателя: мечты увядают, как чахнет и осыпается всё живое.

Вновь упоминание цветка мы наблюдаем в конце второй ночи. «Но она не договорила. Она сначала отвернула от меня свое личико, покраснела, как роза...» [Достоевский 1972–1990: II, 127]. В литературе и живописи сравнение девушки с розой – это обычная вещь. А с чем же еще можно сравнить столь прекрасную Настеньку? После они начинают петь отрывок из оперы «Севильский цирюльник». «...Rosina! – запели мы оба, я, чуть не обнимая ее от восторга, она, покраснев, как только могла покраснеть, и смеясь сквозь слезы, которые, как жемчужинки, дрожали на ее черных ресницах» [Достоевский 1972–1990: II, 127]. В этот момент она сама напоминает розу с капельками росы. Интересно, что для Мечтателя Настенька не простой и скромный цветок, как в стихотворении Тургенева, а прекрасная роза – невероятная драгоценность. Известно, что имя Розина образовано от имени Роза, обозначающего цветок. И судьбы Настеньки и Розины чем-то схожи. Ни для кого не секрет, что красная роза в литературе обычно означает настоящую любовь. Да, скорее всего, в этот момент в них жила настоящая любовь, а точнее, намного больше, чем просто любовь между мужчиной и женщиной – человеческая, «братская» любовь.

В начале четвертой ночи мы опять видим отсылку к сюжету стихотворения И.С.Тургенева. Настенька восклицает: «...И ни строчки, ни строчки! Хоть бы отвечал, что я не нужна ему, что он отвергает меня; а то ни одной строчки в целые три дня! Как легко ему оскорбить, обидеть бедную, беззащитную девушку, которая тем и виновата, что любит его!» [Достоевский 1972–1990: II, 133]. Настенька думает, что жилец бросает её, как герой Тургенева сгубил бедный и беззащитный цветок. Настенька, кажется, уже полюбила Мечтателя: «Да вас Бог мне послал! Ну, что бы со мной было, если б вас со мной теперь не было? Какой вы бескорыстный! Как хорошо вы меня любите! Когда я выйду замуж, мы будем очень дружны, больше чем как братья. Я буду вас любить почти так, как его...» [Достоевский 1972–1990: II, 128], они уже собираются жить вместе, как вдруг появляется жилец, и Настенька убегает к нему и уходит. Жилец оказывается не тем героем, какого мы видим в стихотворении Тургенева: он и не сорвал цветок и не бросил его на дорогу.

И в последний раз упоминание цветка мы видим в самом конце утроем, когда Мечтатель получает письмо от Настеньки: «Но чтоб я помнил обиду мою, Настенька! <...> чтоб я измял хоть один из этих нежных цветков, которые ты вплела в свои черные кудри, когда пошла вместе с ним к алтарю... О, никогда, никогда!» [Достоевский 1972–1990: II, 141]. Трудно представить ситуацию, в которой Мечтатель мог бы даже притронуться к этим цветам, а не то что измять. Мы понимаем, что это метафора святыни – такой стала для него Настенька.

Её имя – Анастасия – переводится с греческого языка как «воскресение», и это не случайно, ведь она открыла ему глаза, вернула его к жизни, он, наконец, увидел мир, понял свое предназначение, и в этом моменте раскрывается смысл эпитафии:

...Иль был он создан для того,
Чтобы побыть хотя мгновенье
В соседстве сердца твоего?..

Мотив цветка, исподволь заданный эпитафией, звучит не слишком ярко в этом романе, в основном, он находится в мире Мечтателя, хотя он определяет Настеньку. Мотив цветка звучит от первой до последней страницы романа, как бы опровергая заложенный в эпитафию смысл. В стихотворении цветок бросают, а в романе Достоевского – любят им, украшаются, становятся подобными, не смеют притронуться. В стихотворении Тургенева цветок – это ничто, а для Мечтателя он сокровище, возвратившее его к жизни.

Список литературы

Достоевский 1972–1990 – *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 2.

Тихомиров 1993 – *Тихомиров Б.Н.* Два слова об эпитафии к повести Достоевского «Белые ночи» // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 1993. 2013. № 30. Ч. 2. С. 161–172.

References

Достоевский 1972–1990 – Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. Vol. 2.

Тихомиров 1993 – Tikhomirov B.N. *Dva slova ob epigrafe k povesti Dostoevskogo "Belye nochi"* [A Few Words about the Epigraph to Dostoevsky's Story *White Nights*]. Dostoevskii i mirovaia kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: the Almanach]. St. Petersburg, Serebrianiy vek Publ., 1993. 2013. № 30. Part 2. Pp. 161–172.